

Fake Wolf

Отражения

Fake Wolf

Отражения

«Автор»

2026

Wolf F.

Отражения / F. Wolf — «Автор», 2026

Четверо выпускников из Краснодара едут снимать документальный фильм о древней легенде — тридцати двух воинах, превращённых богами в кипарисы. Оператор Диана видит то, чего не замечают другие. Актёр Макар играет даже перед зеркалом. Звукорежиссёр Денис записывает шёпот, которого нет в реальности. Сценарист Маша пытается держать всё под контролем. На берегу озера они столкнутся не с легендой, а с теми, кто её прожил. И узнают, что правда не всегда безопасна.

© Wolf F., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Диана	6
Глава 2. Макар	9
Глава 3. Маша	11
Глава 4. Знакомство	13
Глава 5. Денис	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Fake Wolf

Отражения

Пролог

Чёрный экран.

Плеск воды. Тихий, ритмичный, будто кто-то очень далеко и очень терпеливо ударяет ладонью по глади озера. Этот звук не имеет ни начала, ни конца. Он был здесь задолго до них. Он останется здесь после них.

«Кипарисовое озеро в Сукко», — говорит голос. Спокойный, женский, чуть отстранённый. — «Местные говорят: здесь иногда можно увидеть то, чего быть не должно. Эту запись сделали четверо абитуриентов из Краснодара летом 2026 года. Они приехали снять документальный фильм о древней легенде. Они сняли больше, чем планировали. Всё случилось за одни сутки. Один день, который изменил всё. Двадцать четыре часа, после которых они стали другими. Навсегда».

Часть первая. ПЕРЕД ОЗЕРОМ

Глава 1. Диана

Я помню школу.

Не так, как помнят её отличники — через пятёрки в дневнике и похвалу учителей. И не так, как помнят её троечники — через зубрёжку перед контрольными и сожаления о несделанных уроках. Я помню школу как череду лиц, которые мелькали мимо меня тринадцать лет. Ровно одиннадцать — с первого класса по выпускной. И за всё это время я не сказала ни одного лишнего слова тем, кто учился со мной в одной параллели.

Я была в 11 «Б». Моя параллель — это коридор на втором этаже, окна во двор, запах хлорки из туалета, который никогда не выветривался, и вечный звонок, который я игнорировала чаще, чем слушалась. Мать говорила: «Ты не поступишь никуда». Я отвечала: «Я и не хочу никуда поступать. Я хочу снимать». Мать плакала. Отец молчал. А я брала камеру и уходила.

Камера появилась у меня в четырнадцать. Старая, с царапиной на объективе, доставшаяся от дяди, который работал на телевидении в девяностых и давно переключился на продажу автозапчастей. Он отдал мне её со словами: «Всё равно пылится». Я взяла — и не выпускала из рук с тех пор. Я спала с ней в обнимку, положив на подушку рядом с головой. Я чистила её зубной щёткой, когда на линзу попадала пыль. Протирала специальными салфетками, которые покупала на деньги, отложенные от завтраков. Для меня это была не техника. Это был друг. Единственный, кто никогда не предавал, не переспрашивал, не требовал объяснений.

В школе меня считали странной. Честно говоря, не без причины. Пока одноклассники списывали друг у друга алгебру, шушукались на задних рядах и передавали записки, я сидела за той же партой и монтировала на телефоне очередную короткометражку. Пока они обсуждали, кто с кем пошёл на выпускной, я бегала с камерой по школьному двору, снимала голубей, тени деревьев, трещины на асфальте. Я ловила кадры, которых никто не замечал. Со стороны это выглядело бессмысленно — девчонка с камерой, которая тычет объективом в лужи, в небо, в пустые стены. Но для меня эти кадры были важнее любого экзамена. В каждом кадре была правда. В учебниках — нет.

Однажды я снимала школьный двор после дождя. Ливень только что закончился, небо ещё было серым, тяжёлым, а воздух — мокрым и свежим. Лужи отражали облака, и в одной из них, самой глубокой, у самого крыльца, мне почудилось чужое лицо. Не моё. Не знакомое. Чужое. Я подняла голову — никого. Потом пересмотрела запись дома, на компьютере, увеличила, замедлила. Никакого лица. Только вода и облака. Но я поклялась себе, что видела. И не я одна — камера тоже.

С тех пор я стала замечать странное чаще. Тени на пустой детской площадке после девяти вечера. Шаги за спиной, когда в коридоре никого нет. Свет в заброшенном доме на соседней улице, где не горит электричество уже лет десять. Я не говорила никому — ни матери, ни тем более одноклассникам. Думала, что схожу с ума. Или что у меня слишком богатое воображение. Но камера не вралась. Камера показывала то, что было. Иногда — больше, чем было.

Учителя махнули на меня рукой. Классная руководительница ставила «три» за поведение и говорила: «Диана, ты могла бы учиться лучше, если бы не твоё... увлечение». «Увлечение»

— она произносила это слово как приговор, как название болезни. Я кивала, убирала камеру в рюкзак, дожидалась конца урока и снова доставала её. На переменах, на больших переменах, после уроков — я снимала всегда.

Я прогуливала много. Иногда просто сидела в городском парке с камерой, снимая прохожих. Старушек на скамейках, мам с колясками, белок, которые подбегали за орешками. Иногда уходила в заброшенный дом на окраине — там были красивые тени и потрескавшиеся стены, из-под обоев виднелась старая штукатурка, на полу валялись газеты двадцатилетней давности. Родители ругались, мать плакала, отец молчал. Но я не могла остановиться.

У меня был небольшой блог. Я выкладывала свои короткометражки — чёрно-белые, странные, без сюжета. Просто настроение. Просто кусок жизни, вырезанный из реальности. Ролики набирали по несколько тысяч просмотров, иногда в комментариях писали: «Это гениально» или «Что за бред?» Мне было всё равно. Я снимала не для них. Я снимала, потому что не могла дышать без этого.

В школе меня знали как «ту девчонку с камерой». Я ходила с ней даже на переменах — маленькой чёрной тенью, которая вечно куда-то целится объективом. Одноклассники сначала подкалывали, дразнили, прятали рюкзак, чтобы я опоздала на съёмку. Потом перестали замечать. Я была для них как мебель — всегда здесь, но не совсем настоящая. Как стул в углу класса, который стоит уже десять лет и на который никто не садится.

Других я знала хуже, чем они знали друг друга.

Маша училась в 11 «А». Активистка. Её можно было узнать за километр — вечно с папками в руках, вечно куда-то бежит, вечно что-то организует. Директор её обожал, учителя ставили в пример после каждой линейки. Я думала: «Как можно жить с такой тотальной правильностью? Это же невозможно. Это же скучно». И завидовала. Сама себе не признаваясь.

Её брат — Макар — был старше на два года, учился в 11 «В». О нём знали все. Школьный театр был его личной сценой, его крепостью, его убежищем. Он играл в каждой постановке — от эпизодических ролей до главных. Забывал текст только один раз — в девятом классе, когда замер посреди монолога, покраснел, начал заикаться и сказал в зал: «Простите, я сейчас». Зал засмеялся — не зло, скорее удивлённо. Но Макар после той сцены не разговаривал ни с кем три дня. Маша заходила посидеть на краю кровати. Но он молчал.

Я видела его репетиции раз или два — подсматривала через щель в дверях актового зала, прижимая камеру к груди. Он был другим, когда играл. Не школьником в джинсах и кедах, растянутых на коленях. Он был кем-то большим. Будто одевал чужую кожу и растворялся в ней полностью, без остатка. Тогда я впервые подумала: «Может, мы с ним похожи». Он убежал в роли, я — в кадр. Оба прятались за чем-то, чтобы не показывать себя настоящим.

Денис учился в 11 «Г». Его я почти не замечала. Потому что он делал всё, чтобы его не замечали. Сидел в углу столовой, в углу класса, в углу школьного двора. Всегда в наушниках. Большие, чёрные, такие, что не видно половины лица — только подбородок и скулы. Одна я знала, что он пишет звук. Он носил с собой маленький диктофон — старый, на батарейках, с потёртым корпусом и заклеенной скотчем крышкой отсека — и записывал что-то постоянно. Шаги, голоса, шум дождя, треск старого паркета. Иногда я представляла, что у него в наушниках: может, города, может, шум трассы, может, чей-то шёпот.

Мы не разговаривали. Ни я с ними, ни они со мной. Тринадцать лет в одной школе — и ноль слов. Ноль настоящих разговоров. Только лица в коридоре, мелькающие между звонками. Маша с папками, за которой всегда хвост из младшекласников. Макар с театральной афишей, который репетирует монологи на ходу. Денис с наушниками, который смотрит в пол и никуда не смотрит. Я с камерой.

Я думала, так будет всегда. До выпускного. До того дня, когда мы разъедемся кто куда — кто в Москву, кто в Питер, кто в Краснодарский университет, кто вообще неизвестно куда. И я останусь одна со своей камерой и своими теньями.

А потом случился последний звонок.

Глава 2. Макар

Я родился на два года раньше Маши. Это означало, что всё моё детство она таскалась за мной по пятам, как хвостик, и я делал вид, что меня это бесит. На самом деле не бесило. Мне нравилось, что кто-то смотрит на меня с восхищением. Даже если этот кто-то — младшая сестра с косичками, торчащими в разные стороны, и вечно потерянным башмаком, который она умудрялась терять три раза в день — утром, в школе и перед сном.

Мать говорила: «Макар, будь примером». Отец говорил: «Макар, прекрати кривляться». А Маша молчала и просто смотрела. Её взгляд был лучшей наградой. В нём не было сомнений, не было оценок, не было «ты мог бы лучше». Было только «ты лучший». И я верил.

В школе я учился в 11 «В». Не потому, что был умнее или глупее остальных, не потому, что меня распределили по способностям — просто так сложилось, так сформировали список. Я играл в театре с пятого класса. Началось случайно — учительница литературы заставила участвовать в сценке на празднике осени. Я должен был читать стих про листопад. Вышел на сцену, забыл текст, замер, покраснел, начал импровизировать. Что-то про дождь, про зонт, про то, как мама не пускает гулять. И зал засмеялся. Не надо мной — со мной. Это было похоже на наркотик. Я вышел со сцены с трясущимися руками и понял: я хочу это чувство снова. Всегда.

После того спектакля я заболел театром. Репетиции после уроков до восьми вечера. Грим, который въедался в кожу и не смывался два дня. Софиты, от которых грелась голова. Запах кулис — смесь пыли, старого дерева и краски, которую никто не мог описать словами, но которую узнавал сразу, стоило зайти в актовый зал. Я играл всё — от Бабы-Яги на Новый год до Гамлета на школьном фестивале. От массовой, где надо было просто стоять с копьём, до главных ролей, где надо было нести зал.

Помню, как в седьмом классе мы ставили «Ромео и Джульетту». Мне дали роль Меркуцио — друга Ромео, циника и балагура. Я так вжился в образ, что на сцене начал импровизировать и добавил шутку про краснодарские пробки. Зал захохотал. Учительница была в ужасе — это было не по сценарию, не по Шекспиру, не по замыслу. Но после спектакля ко мне подошёл директор школы и сказал: «У тебя талант, парень. Не зарывай». Я шёл домой и летел. Мне казалось, что земля уходит из-под ног — не от страха, от счастья.

В девятом классе случился провал. Мы ставили Чехова. Я репетировал монолог две недели, знал его наизусть с закрытыми глазами, с открытыми, вверх ногами. Вышел на сцену — и пустота. Ни одного слова. Ни звука. Я забыл всё. Стоял под софитами, смотрел в зал и не мог выдавить из себя ни буквы. Зал молчал. Потом засмеялся. Не со мной — надо мной. Кто-то крикнул из задних рядов: «Текст потерял!» Я покраснел, поклонился и ушёл за кулисы.

Я не выходил из дома три дня. Забрался в свою комнату, закрыл шторы, лёг лицом в подушку и решил, что актёрство — не моё. Что я бездарность. Что все, кто хвалил, ошибались. Маша заходила каждый час — садилась на краю кровати и молчала. Не говорила «всё будет хорошо», не утешала, не сравнивала с другими. Просто сидела рядом. Потом, когда я немного приходил в себя, говорила: «Ты лучший. Они ничего не понимают». Я верил ей, потому что она никогда не врала. Ни разу в жизни.

Отец считал театр бабской прихотью. Он работал строителем, уходил в шесть утра, возвращался в десять вечера, пахло цементом, потом и машинным маслом. Каждый вечер уставший, злой, неразговорчивый. «Сын, — говорил он, опускаясь на табуретку на кухне и стягивая кирзовые сапоги, — найди нормальную работу. Артистом сыт не будешь». Я кивал, но думал: «Он не понимает. Никто не понимает». Кроме Маши. Маша понимала. Маша была моим зрителем номер один.

Однажды, после очередной ссоры с отцом — я разбил чашку, хлопнул дверью, заперся в комнате — она пришла, села на край кровати и спросила:

— Макар, а ты веришь, что у тебя получится?

Я помолчал. Посмотрел на свои руки, на афишу на стене, на стопку пьес на тумбочке.

— Не знаю, — сказал я.

— Ты уже получился, — ответила она. — Остальное — детали.

Мы с ней были разными. Я — артистичный, ленивый, хаотичный, вечно забывающий, где лежат ключи и зачем я пришёл на кухню. Она — правильная, ответственная, собранная, вечно с папками и списками, которые педантично вела в блокноте. Но мы были друг у друга. И когда мир рушился, мы закрывались в её комнате или в моей, смотрели старые фильмы и не говорили ни слова. Она знала, что мне это нужно. Я знал, что ей это нужно.

Но в школе мы не общались. У каждого была своя параллель, свои друзья, свои заботы. Я знал в лицо Диану — ту девчонку с камерой, которая вечно шаталась по школьному двору одна, без компании, и снимала что-то странное. Маша знала Дениса — молчуна в наушниках, который никогда ни с кем не разговаривал. Но мы не разговаривали с ними. Ни разу за тринадцать лет.

Последний звонок всё изменил.

Глава 3. Маша

Я была активисткой. Не потому, что любила власть, как думали некоторые одноклассники, поглядывая на меня с опаской. И не потому, что хотела быть на виду, как предполагала мама, когда гладила мою школьную форму и поправляла воротничок. Я была активисткой, потому что никто другой не хотел этим заниматься. Кто-то же должен был.

В 11 «А» меня выбрали старостой. Организация мероприятий, сборы на подарки учителям, составление списков, вечные собрания после уроков, бесконечные бумажки, которые терялись и находились снова. Я бегала по школе быстрее всех, держа в руках папки, которые вечно норовят упасть и рассыпать своё содержимое по полу. И бегала так с пятого класса.

Однажды, перед выпускным, я организовывала концерт. Всё шло не так — артисты болели, свет в актовом зале не работал, ведущий потерял сценарий за день до выступления. Я носилась по школе, как угорелая, за полчаса до начала. И в какой-то момент просто села на пол в коридоре, прислонилась спиной к стене и разрыдалась. Ко мне подошёл завуч. «Маша, — сказал он, садясь на корточки рядом, чтобы видеть моё лицо. — Никто не умрёт, если концерт начнётся на десять минут позже». Я смотрела на него и не понимала. Для меня десять минут были вечностью. А он улыбнулся и добавил: «Ты слишком много на себя берёшь. Научись просить помощи». Я не научилась до сих пор.

Учителя меня любили. Директор ставил в пример на каждой линейке. Одноклассники иногда ненавидели — за требовательность, за строгость, за то, что я всегда всё контролирую. Но мне было всё равно. Кто-то же должен был этим заниматься.

Дома было сложнее. Мать работала в две смены в поликлинике — процедурной медсестрой, возвращалась поздно, уставшая до дрожи. Отца мы видели редко — он работал на заводе за городом, уходил до рассвета, возвращался после заката. Я готовила ужин, проверяла уроки Макара, ходила в магазин за хлебом и молоком. Гладила, мыла, убирала. Готовила отчёты для школы. Отец, когда приходил по выходным, говорил, хлопая меня по плечу широкой ладонью: «Маша, ты у нас умница. Хоть бы сын на тебя равнялся». А я думала: «Я просто делаю, что надо. Кто-то же должен».

Макар был моей слабостью. Я знала, что он талантливый. Видела его на сцене — он горел, он жил, он дышал ролями, он был другим. Отец этого не видел, потому что никогда не приходил на спектакли — на работе задерживали. Мать не видела, потому что уставала и засыпала перед телевизором. А я видела. И я знала, что он поступит. Обязательно. В Москву или Питер, в театральный институт, на курс к известному мастеру. И станет знаменитым. Я была в этом уверена.

Мы с ним были разными. Я — правильная, ответственная, вечно с папками и списками. Он — артистичный, ленивый, вечно с ролями и театральными афишами. Но мы были друг у друга. И когда в мире всё шло не так — ссоры с родителями, двойки в четверти, несправедливые замечания, — мы закрывались в его комнате и смотрели старые фильмы. Он комментировал игру актёров, я засыпала у него на плече под шелест дождя за окном. Так было всегда.

Но в школе мы не общались. У каждого была своя параллель, свои друзья, свои заботы. Я знала в лицо Диану — ту девчонку с камерой, которая вечно шаталась по двору и никогда не разговаривала с другими. Макар знал Дениса — молчуна в наушниках, который сидел в углу столовой и ни на кого не смотрел. Но мы не разговаривали с ними. Ни разу за тринадцать лет.

Последний звонок всё изменил.

Глава 4. Знакомство

В апреле наша классная сказала: «Маша, ты же активистка. Организуй выпускное видео». Я вздохнула, взяла блокнот и начала искать оператора.

Мне посоветовали Диану из 11 «Б». «У неё камера, она вечно снимает что-то. И блог у неё про съёмки». Я нашла её в школьном коридоре на третьем этаже, у окна, выходящего во двор. Она стояла ко мне спиной, наводила объектив на голубей, клевавших что-то в луже. Я подошла ближе, кашлянула. Она не обернулась. Я сказала:

— Диана.

Она опустила камеру и посмотрела на меня через плечо. У неё были спокойные серые глаза, которые смотрели сквозь, а не на. Будто она видела не меня, а что-то за моей спиной.

— Ты же снимаешь?

— Снимаю.

— Мы готовим выпускное видео. Нужен оператор. Нам советовали тебя.

Она повернулась ко мне полностью, камера всё ещё была в руке, объективом в пол.

— Кто текст пишет?

— Я.

— Кто говорит?

— Макар. Из 11 «В».

Она кивнула, будто что-то проверяла в своих мыслях.

— А звук?

— Звук... — я замялась. — Звук не знаю.

Диана посмотрела в конец коридора, туда, где маячили фигуры учеников, переходящих из кабинета в кабинет.

— Денис пишет звук. 11 «Г». Тот, который в наушниках всегда. Позови его.

Я не знала, как она его знает. Может, так же, как я знала её — просто лицо в толпе. Но я послушалась.

Денис сидел в столовой в углу, как всегда. Наушники, чёрная толстовка с капюшоном, взгляд в пол, руки спрятаны в карманы. Мимо него никто не садился — даже в самой загру-

женной столовой, когда не хватало мест, ученики предпочитали стоять, но не занимать место рядом с ним. Его стол был самым дальним от окна, самым тёмным, самым тихим. Я подошла, встала напротив.

— Денис?

Он поднял голову. Редкое явление — наушники не висели на ушах, а лежали на шее. Я увидела его лицо целиком — бледное, уставшее, с синяками под глазами.

— Нам нужен звук для выпускного видео. Диана сказала, ты запишешь.

Он моргнул.

— Диана?

— Из 11 «Б». С камерой.

Денис молчал. Секунду. Пять. Десять. Я уже хотела повторить, подумала, что он не слышал или игнорирует. Потом он сказал:

— Ладно.

И всё. Ни «почему я», ни «где и когда», ни «сколько заплатят», ни даже «что за видео». Просто «ладно».

Через неделю мы собрались в актовом зале после уроков. Я репетировала с Макаром текст.

— Ты должен говорить серьёзно, — инструктировала я. — Это же выпускное видео. Прощание со школой. Не комедия, не скетч, не студенческая пародия.

— Я серьёзен, как удав, — вздыхал Макар, поправляя ворот рубашки.

— Ты смеёшься над каждым словом.

— Это моя защита от пафоса.

Диана стояла с камерой на плече, молчала, наводила резкость, проверяла свет. Денис сидел в первом ряду с микрофоном на длинном стержне и слушал. Не нас — пространство. Я видела, как он поворачивает микрофон, ловя то звук из динамиков, то тишину в зале.

— Начали, — сказала я.

Хлопок.

Макар встал в центр сцены, под софиты. Свет падал на его лицо сверху. Он поднял подбородок и начал:

— Школа... это место, где мы провели одиннадцать лет. Где научились читать, писать, дружить и проигрывать...

— Стоп, — сказала Диана.

Макар замер.

— Ты не туда смотришь. Ты говоришь в пустоту. В зал. А должен — в камеру.

— Камера — это не пустота, — буркнул Макар. — Это объектив. Бездрушное стекло.

— Смотри в объектив.

Макар посмотрел в объектив.

— Школа — это место, где мы провели одиннадцать лет...

Он говорил. Я слушала. Диана снимала. Денис записывал.

На третьем дубле Макар вдруг замолчал. Не забыл текст — остановился сам, посреди предложения. Опустил взгляд, потом снова поднял.

— Что? — спросила я.

— А я правда буду скучать, — сказал он тихо. Не пафосно. Не играя. Не «как актёр». Просто — как есть.

В зале стало тихо. Даже лампы перестали жужжать.

— Оставьте это, — сказал Денис из первого ряда. — Это правда. Первая правда за весь день.

Диана кивнула и продолжила снимать. Никто не сказал «стоп».

Макар смотрел в объектив и говорил не по сценарию. Про школу. Про коридоры, по которым бегал на последний урок, рискуя опоздать. Про учительницу литературы, которая первой сказала ему, что он талантлив, после того спектакля в пятом классе. Про то, что обещал себе не плакать на выпускном, а теперь не уверен.

Диана не останавливала. Денис не выключал микрофон.

Я стояла за её спиной и думала: «Почему мы не познакомились раньше? Одиннадцать лет в одной школе — и только сейчас?»

— Стоп, — сказала я наконец. — Снято. Отлично.

Макар выдохнул и улыбнулся.

— Это был лучший дубль, — сказал он.

— Это был единственный настоящий, — ответила Диана, опуская камеру на ремень.

После репетиции мы пошли в кафе. Впятером — Диана, Макар, Денис, я и моя папка с бумажками, от которой я не могла отказаться даже в выходной.

Сначала было неловко. Мы не знали, о чём говорить. Молчали, пили чай, рассматривали меню, делали вид, что заняты. Потом Макар сказал:

— А давайте после школы вместе что-то снимем?

Я подняла голову.

— Что снимем?

— Что-нибудь настоящее. Кино. Не для школы, не для оценок. Для себя. Для поступления.

Диана уставилась на него. Я впервые видел её такой — не отстранённой, не погружённой в камеру. Удивлённой.

— Ты серьёзно? — спросила она.

— Никогда не был серьёзнее.

Денис снял наушники — впервые за всё время нашего знакомства. Положил их на стол, рядом с чашкой.

— У меня есть диктофон, — сказал он. — И микрофон. И ещё один микрофон — запасной.

У меня забилося сердце.

— У меня есть блокнот, — сказала я. — Я напишу сценарий.

Диана смотрела на нас троих, потом на свою камеру, которая лежала на соседнем стуле, потом снова на нас.

— У меня есть камера, — сказала она. — И время. И желание. И это всё, что нужно.

Мы сидели в кафе допоздна. Пихали стулья, рисовали планы на салфетках, спорили о жанре, смеялись, ссорились и мирились через три минуты. Я впервые за долгое время не думала о списках, о дедлайнах, о домашних заданиях. Я просто была. С ними. Сейчас. В этом маленьком кафе с плохим кофе и липкими столами.

Когда мы вышли на улицу, уже светало. Краснодар спал — только редкие машины проезжали по пустым улицам, только кошки перебежали дорогу. Макар зевнул, потянулся и сказал:

— А давайте назовём фильм «Отражения»?

— Почему? — спросил Денис.

— Потому что мы снимаем не просто озеро и воинов. Мы снимаем то, что они отражают. Наши страхи, нашу веру, нашу надежду. И самих себя.

Диана подняла камеру и сняла нас всех — уставших, счастливых, стоящих на рассвете на пустой улице у закрытого кафе.

— «Отражения», — повторила она. — Хорошее название. Мне нравится.

Глава 5. Денис

Я не привык, чтобы меня замечали.

В школе я был «тем парнем в наушниках». Мебель. Фон. Часть интерьера, к которой все привыкли и которую перестали замечать ещё в пятом классе. Учителя вызывали меня, заглядывая в журнал, потому что не помнили лиц. То есть вообще не помнили — ни глаз, ни волос, ни голоса. Я был для них строчкой в списке. Одноклассники приглашали на вечеринки из вежливости — я всё равно не приходил, и они быстро перестали звать. Однажды меня не пригласили на день рождения одноклассника просто потому, что забыли. Физически забыли о моём существовании. Я узнал об этом из общих фотографий, которые выложили в соцсети через два дня. Мне было обидно. Очень обидно. Но я никому не сказал.

У меня были наушники и диктофон. Наушники спасали от мира — я включал их на переменах, и мир переставал существовать. Оставался только звук: музыка, шум дождя в записи, голос диктора из какой-нибудь старой радиопередачи. Диктофон записывал этот мир — не таким, какой он есть, а таким, какой он мог бы быть.

Я начал записывать звуки в двенадцать лет. Сначала просто — дождь за окном, шаги в коридоре, голос мамы. Потом сложнее — шум трассы ночью, гудки поездов на вокзале, обрывки разговоров в кафе через столик. Я монтировал эти записи на старом компьютере, накладывал одну на другую, выравнивал частоты, убирал лишние шумы. Получалась музыка. Не та, что играют по радио — попса, рок, электроника. Моя. Уникальная.

Однажды я записывал звуки на железнодорожном вокзале. Стоял в углу зала ожидания, наушники, микрофон, диктофон. Мимо прошла женщина с ребёнком. Ребёнок кричал, женщина успокаивала, вокзальные объявления перекрывали всё. Я не придавал значения. Дома, прослушивая запись, я услышал нечто странное. На заднем плане, за криком ребёнка и объявлением по громкой связи, шёл тихий шёпот. Одно слово. «Помни». Я не разобрал язык, не понял, кто говорит — мужчина, женщина, голос из динамика. Но я знал, что его не было в реальности. Там, на вокзале, не было этого шёпота. Я переслушивал запись десять раз. Потом удалил. Решил — брак плёнки, помехи, наводка от радио.

В школе меня никто не знал. Кроме разве что Дианы — я замечал, что она иногда смотрела в мою сторону. Не как все — с любопытством. Будто видела во мне не пустое место, не мебель, а что-то ещё. Как в линзу объектива — она искала кадр.

Когда Маша подошла ко мне в столовой и сказала: «Денис, нам нужен звук», я сначала подумал, что обозналась. Ко мне никто не подходил. Тем более с просьбой. «Диана сказала, ты запишешь», — добавила она. Я посмотрел на неё. Она была запыхавшаяся, как всегда. В руках — списки, ручки, бумажки. Типичная активистка. Но в глазах — не жалость, не снисхождение, не «бедный мальчик, поможем ему социализироваться». Просто деловой расчёт. Это было честно.

— Ладно, — сказал я.

На репетиции я сидел в первом ряду с микрофоном. Макар пафосно читал текст, Диана снимала, Маша командовала. Я слушал. Не «в оба уха» — по-настоящему. Микрофон ловил всё — шорох одежды, когда Макар поправлял пиджак, скрип половиц под ногами, дыхание, даже биение сердца, если прислушаться и поднять усиление. Макар не просто говорил — он жил в тексте, даже в этом банальном прощании со школой. Диана не просто снимала — она видела то, чего не видели другие: падающий свет, тень на стене, микровыражения лица. Маша не просто командовала — она собирала нас в одно целое, как пазл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.